УДК 811.161.1

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК МАКРОЕДИНИЦА ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ: ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ

Косова В.А.

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, e-mail: vera_kosova@ mail.ru

Целью статьи является построение абстрактной формальной модели словообразовательной категории путём анализа, систематизации и обобщения наиболее значимых теоретических представлений о структурно-формальных особенностях этой макроединицы деривационной системы (на материале русского языка). Установлены компоненты словообразовательной категории: минимальные (базовые), основные и комплексные (собственно структурные) субстанциональные единицы; прояснён их системообразующий характер. Словообразовательная категория структурирована в двух проекциях: парадигматической (модель организации – иерархическое соподчинение) и синтагматической (модель организации – деривационная оппозиция). Проанализированы подходы и методы, используемые при исследовании формально-структурной организации словообразовательных категорий. Результаты работы могут служить развитию теории словообразования и унификации описания словообразовательной системы русского языка в категориальном аспекте.

Ключевые слова: словообразовательная категория, русский язык, план выражения, структура, форма

WORD-FORMATIVE CATEGORY AS A MACRO-UNIT OF A DERIVATIONAL SYSTEM: PLANE OF EXPRESSION

Kosova V.A.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, e-mail: vera_kosova@ mail.ru

The article aims to build an abstract formal model of a word-formation category by analyzing, systemizing and generalizing the most significant theoretical ideas of the structural-formal features of this macro-unit of the derivational system (on Russian-language material). The following components of a word-formative category are determined: minimal (basic), fundamental and complex (properly structural) substantial units; their system-forming character is clarified. A word-formative category is structured in two projections: paradigmatic (organization model – hierarchical collateral subordination) and syntagmatic (organization model – derivational opposition). The approaches and methods used to investigate the formal-structural organization of word-formative categories are analyzed. The results of this work can contribute to the development of the theory of word formation and to the unification of the description of the system of word formation of the Russian language in cateegorial plane.

Keywords: word-formative category, Russian language, plane of expression, structure, form

Когнитивно-дискурсивная направленность лингвистики конца XX – начала XXI вв. предопределила повышенный интерес учёных к проблемам языковой категоризации и к словообразовательной категории (далее СК) в первую очередь. Установлено, что СК как комплексная единица деривационной системы, характеризующаяся единством словообразовательного значения при различии средств выражения [5, с. 25], задаёт наряду с грамматической категорией основные координаты членения мира, образуя особые ментальные пространства лексикона [7]. Высокому когнитивному потенциалу и ономасиологической значимости СК противоречит довольно слабая её изученность. Введённое в научный обиход известным представителем Казанской лингвистической школы В.А. Богородицким около столетия назад, это понятие до сих пор не получило должного теоретического осмысления. Единственное в своём роде полное описание словообразовательной системы русского языка, представленное в академической «Русской грамматике» [14], является формально-семантической классификацией словообразовательных типов, перемежаемой важными, но очень компактными, неразвёрнутыми семантическими обобщениями, в которых лишь угадываются контуры СК. Создание общей теории деривационной категориальности требует приведения к общему знаменателю накопленных теоретических представлений об этом языковом феномене с учётом отражённых в литературе результатов анализа отдельных СК, а также выработки единого терминологического и методологического аппарата их описания и исследования. Целью настоящей статьи является построение абстрактной формально-структурной модели СК путём анализа, систематизации и обобщения наиболее значимых теоретических представлений, как устоявшихся, так и спорных, об особенностях плана выражения этой макроединицы, установленных на обширном материале производной лексики русского языка. В соответствии с наиболее убедительным представлением о системе как о сложном единстве, в котором могут быть выделены составные части – элементы, а также схема отношений между элементами –

структура, в число задач включается выявление элементов СК и характеристика системных связей между ними.

СК формируется на основе словообразовательного значения, т.е. содержательного фактора, однако план выражения этой единицы имеет относительно самостоятельную системно-деривационную значимость. Его обособление осуществляется в языке именно в ракурсе взаимосвязи содержания и формы, поскольку каждая языковая форма обладает способностью специфически интерпретировать выражаемые смыслы. Будучи основной классификационной единицей словообразовательной системы, рассматриваемой в ономасиологической проекции [3, с. 7], а также одним из системообразующих факторов лексики, СК может быть представлена как определённым образом упорядоченная совокупность целого ряда взаимосвязанных языковых единиц различной степени сложности. Её состав формируют разноуровневые и разноструктурные языковые единицы, которые можно условно квалифицировать, принимая во внимание одновременно их значимость и структурную сложность, как минимальные (базовые), основные и комплексные (собственно структурные) компоненты СК.

К основным единицам словообразовательной системы традиционно относят производное / мотивированное слово [13, с. 133] (разграничение в рамках данной статьи этих терминов несущественно, поэтому они используются нами недифференцированно). Центральная позиция производного слова в деривационной системе очевидна: на его создание направлены процессы, протекающие в диахронии, на его специфику опирается функционирование номинативных знаков в синхронии. Однако производное слово проявляет свою деривационную природу лишь в связи с существованием в языке соответствующего производящего слова (двух или нескольких производящих; словосочетания) и типовым характером отношений между ними. «Теневое», несамостоятельное положение производящей базы как результат недооценки её системной значимости отражает специфику одностороннего – ретроспективного – подхода к исследованию словообразовательной системы. Возникший в языкознании последних десятилетий интерес к деятельностной природе языка перемещает фокус исследований на порождающий потенциал и деривационную валентность производящих единиц языка (слов и словосочетаний) [3; 10; 14]. Отстояло свои позиции понятие «словообразовательная парадигма», позволяющее рассматривать словообразование как систему, упорядоченность которой «достигается разбиением всего массива базовых основ по грамматико-семантическим признакам» [5, с. 17]. Исследования такого рода доказывают равную значимость в системно-деривационном аспекте мотивированного (производного) и мотивирующего (производящего) слова (словосочетания), которые правомерно считать основными единицами словообразовательной системы и СК как её макроэлемента.

Минимальные элементы СК – производящая (мотивирующая) основа и формант – выявляются непосредственно в бинарной словообразовательной структуре производных слов, эксплицирующей типовую соотнесённость с производящими в процессах их производства и функционирования. Классическое представление о морфемном статусе словообразовательной основы [2, т. 2, с. 182] скорректировано в современной дериватологии указанием на то, что при префиксации и постфиксации в этой роли выступает целое слово (или его лексико-семантический вариант). Системной значимостью обладает информация о типовых морфонологических изменениях производящей основы, сопровождающих процесс словопроизводства: чередованиях на морфемном шве, усечении основы и т.п. [11, с. 274], необходимая для выявления всех реализующих данную СК моделей.

С формантом в дериватологии связывают представление о наименьшем в формальном и семантическом отношении словообразовательном средстве из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих [13, с. 134]. Роль формантов в современном русском языке выполняют, главным образом, словообразовательные морфемы; вопрос о морфемном статусе комплексных формантов, которые могут носить дистантный характер (конфиксы [12]) или контактно-дистантный характер (например, сочетание интерфикса *-е-,* суффикса *-тель* и системы флексий мужского рода I склонения в производном *мореплаватель* [9, с. 356]), продолжает дискутироваться. Между тем ещё И.А. Бодуэн де Куртенэ, обосновавший понятие морфемы, писал о свойстве этой единицы делиться на «морфологические дроби», т.е. на однородные с морфемой составные части, в которых «должна пульсировать психическая жизнь» [2, т. 1, с. 181]. Установление статуса форманта имеет принципиальное значение для наиболее корректного определения нежёстких, размытых границ словообразовательного типа и соответствующей СК. Так, например, существительное *истребитель с* личным значением и его омоним с инструментальным значением казанские дериватологи, опираясь на историко-генетический критерий, относят к разным

словообразовательным типам, возникшим в результате взаимодействия морфологического и семантического словопроизводства [12], а следовательно, к разным СК.

Выше была доказана несостоятельность отождествления СК с совокупностью производных слов, выражающих соответствующее словообразовательное значение, вернее, недостаточность таких представлений. Онтологической реальностью в составе СК обладают два деривационных класса: мотивирующий класс и класс производных слов. Таксономические параметры класса производных слов в ономасиологической системе определяются их категориальным словообразовательным значением, которое в силу своей пропозициональности и большей обобщённости далеко не всегда совпадает с общим значением собственно номинативных классов (ср., например, СК nomina agentis и класс наименований лица по профессии в русском языке [6]). Установление границ этого класса является прямым следствием обобщения на ономасиологической основе результатов словообразовательного анализа дериватов с этим значением. На практике эту процедуру затрудняет решение таких проблем, обусловленных динамическим характером словообразования, как демотивация, множественная и метафорическая мотивация производных, взаимодействие морфемных и безморфемных способов деривации и т.п.

Определение состава и границ мотивирующего класса, ещё менее очевидных при первом приближении к материалу, также осуществляется в два этапа: словообразовательный анализ производных, направленный на выявление всей совокупности базовых единиц, и последующее ономасиологическое обобщение полученных данных в аспекте их семантических, грамматических, деривационных и морфонологических характеристик, результаты которого верифицируются в правилах словообразовательного синтеза [3, с. 19]. По нашим наблюдениям, совпадающим с выводами исследователей [1; 14], таксономическая номинативная определённость мотивирующего класса свойственна в большей или меньшей степени лишь немногим СК русского языка. Транспозиционные категории, например, ориентированы на охват производящих единиц какого-либо одного лексико-грамматического разряда (качественные прилагательные как мотиваторы СК отвлечённого признака); модификационные категории опираются на одну или несколько лексико-семантических или тематических групп (СК невзрослости – на ЛСГ зоонимов, СК начинательности – на ЛСГ глаголов звучания, эмоционального состояния и движения). Деривация в рамках мутационных категорий базируется на понятийно-семантической или понятийно-тематической общности производящих единиц, иногда деривационно оформленной (наименования деятелей по отношению к СК глаголов деятельности [4]).

Установление параметров мотивирующего класса необходимо в связи с изучением порождающего потенциала СК. Эта информация исключительно важна для установления закономерностей словообразовательного синтеза [10], направленного на прогнозирование номинативно-деривационных процессов в языке и на разработку эффективных приёмов обучения русскому языку иностранных учащихся. Сказанное убеждает в наличии системной специфики у классов мотивирующих и мотивированных единиц, в их структурной релевантности, в силу чего будем считать эти классы конституирующими компонентами СК, т.е. её каркасом, её наиболее явными структурными составляющими. Бинарная соотносительность парадигматически организованных деривационных классов отражает оппозицию производящей и производной единиц, соответствующую, в свою очередь, структурно-семантической бинарной расчленённости деривата, части которого связаны между собой синтагматически (по смежности). Этот вывод подтверждает идею О.В. Лещака о фрактальном характере системы языковых знаков, согласно которой семантика единиц структурного плана должна быть организована тем же самым образом, что и семантика всей системы знаков [8].

Формально-семантические отношения между основными единицами словообразования, служащие образцом порождения новых слов, в рамках СК, как правило, неоднородны; их разграничению отвечает понятие словообразовательной модели. В этом термине получило лингвистическую определённость представление о типовых сочетаниях базовых единиц СК (поверхностных структурах), эксплицирующих типовые (категориальные или субкатегориальные) словообразовательные значения. На субстанциональном уровне словообразовательной модели как метаязыковому конструкту (схеме) соответствует представление о словообразовательном типе как совокупности производных слов, характеризующихся единством части речи производящих, единством словообразовательного значения и единством словообразовательного средства [12].

Словообразовательный тип признан дериватологами важнейшим структурным компонентом СК, определяемой с парадигматических позиций как «гомогенная иерархизованная макросистема, включающая

в качестве строевых системообразующих компонентов однопорядковые изофункциональные словообразовательные типы, скреплённые тождеством словообразовательного значения и идентичностью классификационной принадлежности форманта» [11, с. 265]. Парадигматическая организация СК, таким образом, обусловлена соотношением и взаимодействием составляющих её типов, а также, уточним, подтипов, поскольку общее словообразовательное значение одних словообразовательных типов выступает как значение подтипа в других. Выделяемые В.В. Лопатиным СК, представленные только подтипами, например, 'животное – носитель предметного признака' (*бородач, ушан*) [9, с. 32], логично квалифицировать, на наш взгляд, как языковые категории субординатного уровня, т.е. субкатегории.

СК русского языка демонстрируют, как правило, богатый потенциал формально-семантического варьирования. Крайне редко словообразовательное значение выражается производными только одного типа (например, СК отчеств («лицо по отношению к своему отцу»), формируемая дериватами с суффиксом *-ович/-евич (-ич): Петрович, Сергеевич, Никитич)*. Противоположный полюс реализации возможностей системы представлен многокомпонентными транспозиционными и мутационными категориями имени существительного (например, СК отвлечённого действия включает в себя более 40 словообразовательных типов и подтипов). Существование в языковой системе нескольких или даже многих словообразовательных моделей для выражения тех или иных смыслов является показателем степени значимости этих концептов для национального сообщества.

Описание структурной организации СК в терминах полевой методики даёт возможность выделения центральных и периферийных словообразовательных моделей, различающихся функционально [1; 4; 11]. К центральной нише относят наиболее продуктивные стилистически нейтральные словообразовательные типы, форманты которых по комбинаторному потенциалу соответствуют основному инвентарю производящих основ и обеспечивают оптимальную реализацию категориального значения. Периферия СК характеризуется дериватологами как менее регламентированная обширная, многослойная, подвижная и значимая зона системы, включающая словообразовательные типы с потенциалом стилистического и экспрессивного варьирования. Она рассматривается не только как своего рода «запасник», который составляют аффиксы архаические, непродуктивные, входящие в состав типов с нарушенными системными признаками, но и как «полигон» для испытания нарождающихся формантов, как зона языкового экспериментирования [11, с. 268]. Важно констатировать, что периферия является областью плавного перехода от одной СК к другой, обеспечивающей континуальную целостность системы.

При изучении внутренней динамики СК, обусловленной взаимодействием составляющих её словообразовательных типов (моделей), в рамках синхронно-диахронного подхода выделены и описаны такие виды отношений между этими составляющими, как синонимия, конкуренция и параллелизм [4, с. 138–141]. Главная цель весьма перспективных исследований такого плана заключается в поисках закономерностей эволюции словообразовательных подсистем, которая, по результатам анализа динамики отдельных СК, состоит в движении от дублетности производных к регулярному семантическому размежеванию их моделей [4, с. 88; 11, с. 271].

Полевой методике описания структуры СК созвучен обоснованный в когнитивистике прототипический анализ. Прототипами в когнитивной теории называются центральные, наиболее яркие представители категории. Таковыми для СК служат словообразовательные типы, реализованные по прототипическим моделям, т.е. маркированные специальной формальной пометой. Динамика языковой системы предопределила существование категорий с равнением на один или несколько прототипов, в связи с чем дериватологи-когнитивисты указывают на необходимость разграничения однофокусных (семантически однородных, устойчивых) и многофокусных (способных к делению) СК [7, с. 10]. Сверхзадача подобного рода исследований – выявить в системе русского языка «живые», активно развивающиеся СК, определить векторы их развития, изучить способность к разветвлению таких категорий, т.е. выделению новых словообразовательно маркированных смыслов, и, наконец, постичь механизм эволюции номинативно-деривационной системы, её формально-семантического совершенствования. Можно констатировать, что изучение словообразовательной системы русского языка с этих позиций, важное в аспекте постижения особенностей национального менталитета, отражённых в языке, только начинается.

Резюмируем вышесказанное. СК как наиболее крупная семантически гомогенная макроединица словообразовательной системы представляет собой в аспекте плана выражения взаимосвязанную совокупность следующих элементов: минимальные, или базовые единицы (производящая база и формант), основные (производящее/мотивирующее слово или словосочетаниеи производное/мотивированное

слово) и комплексные (мотивирующий класс и класс производных слов, с одной стороны, и словообразовательный тип, с другой). Все названные единицы являются двусторонними и в аспекте плана выражения выделены условно – как носители категориального деривационного содержания. СК структурирована в двух проекциях: синтагматической (модель организации – деривационная оппозиция) и парадигматической (модель организации – иерархическое соподчинение). Бинарное противопоставление в её структуре исходных и результативных единиц разного строения отражает сущность деривационных процессов и отношений. Выделение словообразовательных типов как минимальной формы реализации СК, т.е. парадигматически связанных единиц субкатегориального уровня, очерчивает область её структурно-семантического варьирования. При анализе формально-структурной организации СК применяются, часто в комплексе, следующие подходы и методы: функциональный (с выделением этапов словообразовательного анализа и словообразовательного синтеза), синхронно-диахронный, полевый, прототипический. Выработка общих принципов анализа СК в плане выражения является необходимым условием целостного представления словообразовательной системы русского языка как взаимосвязанной и динамически развивающейся системы СК.

Список литературы

1. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1–2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
3. Волков В.В. Деадъективное словообразование в русском языке. – Ужгород: Ужгор. гос. ун-т, 1993. – 300 с.
4. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: Коллективная монография / под ред. проф. О.И. Дмитриевой. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010. – 370 с.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 222 с.
6. Косова В.А. О категориях падежной грамматики в системе номинативной деривации русского языка// Deutsch-russischer Dialog in den Philologien/– Beitraege zur Slavistik/– Frankfurt am Main: Lang, 2001. – P. 593–609.
7. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. –Т. 66. – № 2. – С. 3–13.
8. Лещак О.В. Онтологические проблемы ономасиологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта // Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego. – Kielce, 2009. –tom XVIII, P. 179–195.
9. Лопатин В.В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 743 с.
10. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.
11. Нещименко Г.П. К проблеме словообразовательной динамики // Славянское языкознание. Доклады российской делегации на XI Международном съезде славистов. – М., 1993. – С. 263–277.
12. Николаев. Г.А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: монография / под ред. Е.Н. Шабровой. – СПб: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 7–29. – URL: http://www.ksu.ru/f10/publications/2007/nikolaev/teoret.pdf.
13. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
14. Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 271 с.

References

1. Belyakova G.V. *Slovoobrazovatel'naya kategoriya suffiksal'nykh lokativnykh sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom yazyke*. [Word-formative category of suffixal locative nouns in the modern Russian language] Astrakhan': «Astrakhanskiy universitet», 2007, 170 p.
2. Baudouin de Courtenay I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu.* [Selected works in general linguistics] V.1-2. Moscow, Publ. AN SSSR, 1963.
3. Volkov V.V. *Dead»ektivnoe slovoobrazovanie v russkom yazyke*. [Deadjectival word formation in the Russian language] – Uzhgorod: Uzhgor. state un-ty, 1993, 300 p.
4. *Dinamika semantiko-slovoobrazovatel'nykh podsistem russkogo yazyka: Kollektivnaya monografiya*. [Dynamics of semantic-word-formative subsystems of the Russian language: Collective monograph] Edited by O.I. Dmitrievoy. – Saratov: «Nauchnaya kniga», 2010, 370 p.
5. Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'*. [Word formation as an activity] Moscow, Nauka, 1992, 222 p.
6. Kosova V.A. *O kategoriyakh padezhnoy grammatiki v sisteme nominativnoy derivatsii russkogo yazyka.* [About the categories of case grammar in the system of nominative derivation of the Russian language] Deutsch-russischer Dialog in den Philologien. Beitraege zur Slavistik. Frankfurt am Main: Lang, 2001, 593–609 p.
7. Kubryakova E.S. *Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavlyayushchie.* Izvestiya RAN, Seriya literatury i yazyka [Images of the world in human conscience and word-formative categories as their components. RAN news, Literature and language series] 2006, v. 66, no 2, pp. 3–13.
8. Leshchak O.V. *Ontologicheskie problemy onomasiologii i kategorial'naya tipologizatsiya semanticheskogo prostranstva yazykovogo opyta.* [Ontological problems of onomasiology and categorial typologization of the semantic field of language experience] Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, Kielce 2009, v. XVIII, pp. 179–195.
9. Lopatin V.V. *Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye stat'i po russkomu yazyku.* [Multisided Russian word: selected articles on the Russian language] Moscow, «Azbukovnik», 2007, 743 p.
10. Miloslavskiy I.G. *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza*. [Issues of word-formative synthesis] Moscow, Publ. MGU, 1980, 296 p.
11. Neshchimenko G.P. *K probleme slovoobrazovatel'noy dinamiki* Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady rossiyskoy delegatsii na XI Mezhdunarodnom s»ezde slavistov. [On the problem of word-formative dynamics. Slavic linguistics. Lectures of the Russian delegation at the XI International slavist convention] Moscow, 1993, pp. 263–277.
12. Nikolaev. G.A. *Teoreticheskie problemy russkogo slovoobrazovaniya. Kazanskaya nauchnaya shkola*. Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya: Monografiya. Pod red. E.N.Shabrovoy. [Theoretical problems of the Russian word formation. Kazan scientific school. Dialect word formation, morphemics and morphonology: Monograph. Edited by E.N.Shabrovoy] SPb: Nauka; Vologda: VGPU, 2007, pp. 7–29.
available at: http://www.ksu.ru/f10/publications/2007/nikolaev/teoret.pdf
13. *Russkaya grammatika*. [Russian grammar] Vol. 1. Moscow, Nauka, 1982, 783 p.
14. *Semanticheskie voprosy slovoobrazovaniya: Znachenie proizvodyashchego slova*. [Semantic issues of word formation: The meaning of a generating word] Tomsk: Publ. house of Tom. un-ty, 1991, 271 p.

Рецензенты:

Балалыкина Э.А., д.ф.н., профессор кафедры современного русского языка и методики преподавания, ФГАОУ ВПО КФУ, г. Казань;

Бочина Т.Г., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, ФГАОУ ВПО КФУ, г. Казань.

Работа поступила в редакцию 05.09.2013.